ЕЛИЗАВЕТА ФРОЛОВА

ПИЦЦА для УБИЙЦЫ

Елизавета Фролова

Пицца для убийцы

«Автор»
2026

Фролова Е. Д.

Пицца для убийцы / Е. Д. Фролова — «Автор», 2026

Четверо старых друзей, уютная итальянская пиццерия, вечер воспоминаний и одно убийство. Кажется, кто-то слишком серьёзно отнёсся к дружеским шуткам.Оливер Беннет, главный редактор скандального журнала, обожал чужие секреты и обладал редким талантом выводить окружающих из себя. На очередной встрече университетских друзей он объявляет о своём новом проекте. Вот только до утра Оливер не доживает.За расследование берутся обаятельная инспектор Элеонора Брукс и её неизменно саркастичный напарник Дэниел Фостер. Вскоре выясняется, что у каждого из присутствующих есть свои причины желать Оливеру смерти, а за двадцать лет дружбы накопилось подозрительно много тайн.Английский иронический детектив с щепоткой чёрного юмора, аппетитными подробностями и неожиданной развязкой.И помните: ананасы на пицце — далеко не самое страшное преступление этого вечер

© Фролова Е. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Холодная пицца 5
Глава 2. Четыре тарелки 8
Глава 3. Ананасы 11
Глава 4. Неудачное падение 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Елизавета Фролова
Пицца для убийцы

Глава 1. Холодная пицца

— В котором часу вы в последний раз видели мистера Беннета живым?

Шарлотта Рид посмотрела на часы над барной стойкой, хотя прекрасно понимала, что узнать по ним время двухчасовой давности невозможно. Было без четверти одиннадцать. Под часами висела грифельная доска с предложением заказать две пиццы по цене одной, действительным по четвергам до девяти вечера.

— Боюсь, я не смотрела на часы. Мы с Оливером знакомы двадцать два года, и до сегодняшнего вечера мне ни разу не приходило в голову отмечать время каждой нашей встречи. Хотя, если бы я знала, чем всё закончится, разумеется, посмотрела бы.

Детектив-инспектор Элеонора Брукс заверила её, что точности до минуты не требуется. Она сидела напротив Шарлотты за столиком у окна, а её напарник, детектив-сержант Дэниел Фостер, устроился сбоку. Стул оказался слишком низким для его роста, и после двух попыток сесть удобнее сержант оставил итальянскую мебель в покое.

Шарлотта владела агентством по организации мероприятий и привыкла составлять расписание даже для перехода свадебных гостей из одного зала в другой. Теперь её раздражало, что она не могла восстановить события собственного ужина.

— Мы закончили ужинать примерно в девять. Или немного раньше. Беатрис всегда ест медленно, а Оливер, напротив, успевает закончить раньше всех, потому что разговаривает с полным ртом. Простите, разговаривал. Ужасно трудно привыкнуть.

Шарлотта промокнула глаза салфеткой. Незадолго до разговора с инспектором ей позвонила помощница из агентства, чтобы уточнить время утренней встречи с заказчиком. Узнав о смерти Оливера, она предложила перенести встречу на вторую половину дня. Шарлотта до сих пор не могла понять, почему именно после этих слов расплакалась.

В противоположном конце зала за разными столиками ждали Беатрис Кларк и Мартин Уэллс. Оба согласились остаться и рассказать полицейским о случившемся. Из кухни доносились негромкие голоса сотрудников, занятых осмотром помещения, а возле двери в коридор стоял констебль. Шарлотта старалась туда не смотреть. Ещё недавно она прошла через эту дверь в поисках Оливера, и теперь ей хотелось оказаться где угодно, лишь бы не видеть знакомого рисунка на кафельном полу.

Элеонора спросила, по какому поводу они собрались. Компания ужинала здесь довольно часто, хотя с годами выбрать подходящий всем день становилось сложнее. Оливер руководил журналом, который Шарлотта покупала исключительно в тех случаях, когда хотела узнать, кто из знакомых на неё обиделся.

Сегодняшнюю встречу устроил Оливер. Он договорился с хозяином «Четырёх сезонов», что друзья смогут остаться после закрытия. Ужин им приготовили заранее, а напитки и всё необходимое оставили в зале.

— Значит, мистер Беннет пригласил вас по особому поводу? — уточнила Элеонора.

— Он обещал новость. Оливер вообще не умел сообщать новости без предварительной рекламной кампании.

На вопрос Фостера, успел ли Беннет сообщить обещанную новость, Шарлотта сначала ответила отрицательно, а потом поправилась: кое-что он всё-таки сказал, но это едва ли можно было считать новостью.

— Кажется, он говорил, что нашёл замечательный материал. Что это будет сенсация и что мы все имеем к ней отношение. У него вечно всё было сенсацией. Однажды он посвятил три страницы женщине, которая обнаружила в саду чужого павлина. Правда, павлин оказался её собственным, но номер уже вышел.

— И вас не заинтересовало, какое отношение вы имеете к материалу? — спросил Фостер.

— Конечно, заинтересовало. Только Оливеру нравилось, когда его уговаривали рассказать. Мы довольно давно перестали доставлять ему это удовольствие.

Шарлотта скомкала салфетку и принялась разглаживать её на столе. Инспектор вернулась к событиям после ухода сотрудников пиццерии.

Шарлотта помнила, как последний официант попрощался с ними и как Оливер вслед ему попросил передать хозяину, что они намерены вести себя прилично. Беатрис посоветовала ему ограничиться обещанием говорить потише. Через некоторое время Шарлотта начала собираться домой.

— А где в это время находился мистер Беннет?

— За столом. Нет, подождите, он уже встал. Кажется, хотел что-то принести.

Фостер отложил ручку. За четверть часа Шарлотта успела подробно описать ужин, но всякий раз, когда речь заходила о погибшем, начинала путаться.

— Мисс Рид, если вы чего-то не помните, так и скажите. Нам не нужны догадки.

— Да я стараюсь! — с неожиданной резкостью ответила она и тут же смутилась. — Простите, я просто никак не могу собраться.

Элеонора предложила начать с того момента, когда Шарлотта обнаружила Оливера. Женщина хорошо помнила, что Беатрис собиралась уезжать и попросила её найти хозяина вечера, чтобы попрощаться. Оливер не ответил, когда Шарлотта окликнула его из зала, и она решила, что он занят телефонным разговором. В подсобном помещении, где хранились запасы салфеток и посуды, она увидела его на полу.

Сначала Шарлотта подумала, что он упал и потерял сознание. Она позвала Беатрис, которая подошла почти сразу и велела вызвать скорую. Мартин тоже появился, когда они уже разговаривали с диспетчером. Дальнейшее Шарлотта помнила хуже: она отвечала на вопросы, пыталась не мешать остальным и всё время думала о том, что утром Оливер непременно будет возмущаться, если узнает, сколько людей видели его в таком положении.

Когда приехали медики, ей пришлось отойти в зал. Позже стало известно, что помочь Оливеру уже невозможно. С тех пор она несколько раз ловила себя на желании набрать его номер, чтобы сообщить ему о случившемся. Это казалось ей настолько нелепым, что она не решилась рассказать об этом инспектору.

— Он жаловался сегодня на самочувствие? — спросила Элеонора.

Шарлотта задумалась. Единственной жалобой Оливера, имевшей хоть какое-то отношение к здоровью, было замечание о том, что Беатрис отнимает у него годы жизни. Он говорил ей это с первого курса университета.

Когда Фостер спросил, не было ли между друзьями ссоры, Шарлотта подняла на него удивлённые глаза. За двадцать два года они перессорились по поводу практически всего, и сегодняшний вечер в этом отношении ничем не отличался от предыдущих.

— Вы можете назвать хотя бы одну причину сегодняшнего спора?

— Пицца, — ответила она с облегчением. — Мы всегда спорим из-за пиццы.

Фостер посмотрел на блюдо с остывшими кусками пиццы. Он не ужинал, а трогать оставшуюся на столе еду до окончания осмотра было нельзя.

Шарлотта объяснила, что Оливер считал совместный заказ непременным условием дружеского ужина, а индивидуальные блюда — проявлением эгоизма. Беатрис соглашалась с ним лишь до того момента, когда он начинал выбирать начинку. Мартин обычно предлагал зака-

зать всё, о чём они спорили, но Оливер возражал: тогда исчезала необходимость приходить к общему мнению.

— Полагаю, он очень дорожил вашим общим мнением, — заметила Элеонора.

— Только когда оно совпадало с его собственным.

Элеонора попросила Шарлотту пока остаться в зале на случай дополнительных вопросов. Та согласилась и, получив разрешение позвонить сестре, отошла к свободному столику.

Когда Шарлотта отошла, Фостер вытянул ноги и посмотрел на коллегу.

— Если остальные двое так же подробно расскажут нам про ужин, к утру мы сможем открыть собственную пиццерию.

Фостер достал лист с краткими сведениями, полученными от прибывших первыми сотрудников, и указал коллеге на запись о разговоре с Шарлоттой. Вскоре после обнаружения Оливера женщина сказала констеблю, что отправилась искать друга, потому что собиралась перед ним извиниться.

За всё время беседы Шарлотта ни разу не упомянула, что ей было за что извиняться.

Глава 2. Четыре тарелки

Мартин Уэллс оказался первым человеком за этот вечер, который, услышав просьбу подождать, не поинтересовался, сколько именно времени придётся провести в пиццерии. Когда Элеонора пригласила его за столик, он без возражений занял место напротив неё.

Из нагрудного кармана его рубашки выглядывала пачка сигарет. Фостер узнал Уэллса по фотографии с открытия нового автомобильного салона: в свои сорок один год Мартин выглядел даже моложе, чем на газетном снимке.

— Вы давно знаете мистера Беннета? — спросила Элеонора.

— С университета. Если быть точным, со второго дня занятий. В первый день он занял моё место в аудитории, а на второй попросил одолжить ему конспект. Так началась наша дружба, причём довольно долго я был уверен, что она выгодна исключительно ему.

Оливер обладал редкой способностью знакомить между собой людей, которые при иных обстоятельствах предпочли бы держаться друг от друга подальше. Беатрис он встретил на студенческих дебатах, куда пришёл поспорить с докладчиком, а Шарлотту — в очереди за билетами на концерт. Он уговорил её купить билет на двоих, поскольку ему не хватало денег, а затем убедил Мартина составить им компанию. Беатрис присоединилась к ним на следующей неделе, когда обнаружила, что Оливер унёс с дебатов её зонт.

С тех пор они успели сменить несколько адресов, обзавестись профессиями и приобрести совершенно несовместимые представления о том, как следует проводить свободное время. Тем не менее примерно раз в месяц кто-нибудь из четверых отправлял остальным сообщение с предложением поужинать. Иногда встречу переносили трижды, иногда четверо взрослых людей полдня обсуждали дату, чтобы в конце концов выбрать ту, которую предложили первой.

В этот четверг Мартин приехал к половине восьмого. Он оставил машину на улице и застал Оливера за их обычным столиком возле окна, где было достаточно света, чтобы читать меню без очков. Признаться в необходимости очков Оливер считал преждевременным, хотя уже второй год держал в редакции три пары.

Увидев Мартина, Оливер с необыкновенным воодушевлением сообщил, что наконец займётся настоящей литературой. Мартин поинтересовался, означает ли это, что журнал перестанет публиковать фотографии знаменитостей, выходящих из супермаркетов. Оливер обиделся и заверил его, что одно другому не мешает.

Шарлотта появилась минут через пять с большим бумажным пакетом для клиентки, устроила его на соседнем стуле и объявила, что с утра съела только половину бутерброда. Оливер предложил ей выбрать закуску, но тут же сообщил, что уже заказал оливки и чесночный хлеб. Шарлотта поблагодарила его за предоставленную свободу выбора.

Беатрис пришла последней. Ей пришлось задержаться на заседании, посвящённом реконструкции городской площади, и она провела сорок минут, выслушивая аргументы в пользу трёх различных оттенков серого камня. В пиццерии она рассчитывала хотя бы на один вечер избавиться от необходимости учитывать чужое мнение, но Оливер уже разложил перед друзьями меню и предложил каждому высказаться относительно общего заказа.

— Только без голосования, — предупредила она, садясь. — Я сегодня уже проголосовала за тротуар, который мне не нравится.

Мартин помнил, что Беатрис заказала чай. Официант принёс небольшой блестящий металлический заварочный чайник, чашку и кувшинчик молока. Оливер возмутился: в итальянском заведении, по его мнению, полагалось пить кофе. Беатрис с невозмутимым видом налила себе чай и попросила передать сахар.

— Неужели ты не можешь хотя бы за ужином оставить мои привычки в покое? — спросила Беатрис, когда Оливер передал ей сахарницу.

— Я всего лишь забочусь о твоём вкусе.

— Тогда начни со своего.

Когда на столе появились четыре тарелки, разговор ещё не выходил за рамки обычных жалоб на работу и обсуждения местных новостей.

По словам Мартина, Оливер был оживлён даже по собственным меркам: несколько раз заговаривал о своих планах, но переключался на другую тему, если друзья проявляли недостаточно любопытства.

— Он ожидал, что мы будем его расспрашивать, — объяснил Мартин с лёгкой досадой. — Оливер любил устраивать премьеры даже тогда, когда показывать было нечего.

Фостер поинтересовался, не был ли кто-нибудь из друзей особенно раздражён. Мартин перечислил рабочие неприятности Шарлотты, усталость Беатрис после заседания и собственный утренний спор с поставщиком, но ничего необычного, по его словам, не заметил.

Когда Элеонора попросила воспроизвести слова Оливера, Мартин сослался на вторую порцию чесночного хлеба, о которой к тому времени уже начал жалеть: слушал он друга не особенно внимательно.

— Попробуйте всё-таки вспомнить, — сказал Фостер. — Хлеб мы пока оставим в покое.

Мартин улыбнулся и признал, что Оливер обещал сенсацию, связанную с их прошлым, но подробностей не сообщил. Говорил о предстоящей публикации с такой уверенностью, будто уже получил за неё литературную премию.

Сменив Мартина за столиком, Беатрис первым делом отменила три утренние встречи. Фостер с некоторой завистью наблюдал за тем, как она управилась меньше чем за минуту.

На рукаве светлого жакета Беатрис остался след от пролитого чая. Её рассказ о знакомстве друзей почти совпадал с версией Мартина, хотя историю с зонтом она считала не случайностью, а вполне сознательным поступком Оливера.

— Он был утомительным человеком, инспектор, но я не хотела бы, чтобы вы приняли это за неприязнь. Мы все знали, чего от него ожидать.

— А сегодня?

Оливер, по её словам, был особенно доволен собой. Во время ужина он попросил убрать пустые тарелки, поскольку собирался сделать важное заявление. Шарлотта предложила сначала доесть хлеб, а Мартин налил всем вина. Обиженный таким отношением к своей речи, Оливер дождался, пока официант унесёт посуду.

Беатрис, уже собиравшаяся отказаться от десерта, предложила ему перейти к делу. Оливер достал сложенный лист бумаги, посмотрел на него и снова убрал, заметив, что предпочитает говорить без подготовки. Шарлотта с тревогой придвинула к себе бокал: она хорошо знала, как широко он размахивает руками во время речей.

Оливер остался сидеть и сообщил, что наконец собрал достаточно материала для проекта, который давно собирался осуществить. В отличие от обычных журнальных статей, этот материал касался его лично и всех троих присутствовавших. Он намеревался удивить публику.

— Оливер, ради бога, что за материал? — не выдержала Шарлотта.

— Прояви немного терпения, дорогая.

— Мы проявили его ещё двадцать лет назад, когда два часа ждали тебя на вокзале, — заметил Мартин.

Оливер рассмеялся и сказал, что именно такие истории ему и нужны.

Беатрис не понимала, зачем человеку, который зарабатывает на жизнь чужими неприятностями, вдруг понадобилось возвращаться к событиям их молодости. Оливер поднял бокал за будущий успех. Шарлотта не притронулась к вину, сославшись на утреннюю работу, Мартин выпил, а Беатрис, заметно помрачнев, спросила, собирается ли он обсуждать материал с ними до публикации.

Он заверил её, что всё будет сделано в своё время. Затем, довольный произведённым эффектом, произнёс фразу, которую Беатрис теперь повторила инспектору почти дословно:

— Вы даже не представляете, сколько всего интересного я о нас накопал. Поверьте, после этого о нашей четвёрке заговорят.

Элеонора записала эту фразу и спросила, о каких событиях мог говорить Оливер.

Беатрис перечислила неудачную поездку на море, университетский бал и случай, когда Оливер перепутал даты экзаменов.

— А среди этих приключений не было таких, которые вам хотелось бы оставить в прошлом? — спросил Фостер.

— В таком случае, сержант, нам пришлось бы оставить в прошлом практически весь университет.

— Мистер Беннет, похоже, собирался вернуть его вам целиком.

Беатрис улыбнулась из вежливости, но на этот раз ничего не ответила.

Глава 3. Ананасы

Беатрис вспомнила, как Оливер по ошибке пригласил ректора университета на студенческую вечеринку, предупредив, что алкоголь следует принести с собой. Фостер не понял, почему её до сих пор беспокоит этот случай: неприятности, по его мнению, грозили прежде всего Оливеру. Беатрис с досадой объяснила, что приглашение было отправлено с её почты.

Элеонора рассмеялась и спросила, сохранились ли у Беннета фотографии или переписка тех лет. Беатрис допускала такую возможность: Оливер при переезде мог выбросить исправный холодильник, зато бережно перевозил коробку с билетами на автобус двадцатилетней давности. В последние месяцы он к тому же привык записывать на телефон всё, что казалось ему забавным.

— Сегодня тоже записывал? — спросила инспектор.

— Разумеется. У него даже возникло намерение записать наш заказ. К счастью, официант справился с этим без его помощи.

Неприятности с заказом начались ещё до того, как принесли закуски. Трое друзей уже выбрали пиццу с грибами и ветчиной, когда Оливер подозвал официанта и попросил добавить ананасы на одну половину. Беатрис с раздражением отложила меню: в прошлый раз его представления о половине несколько отличались от общепринятых.

Оливер заверил её, что на этот раз всё будет по-честному, и принялся расспрашивать официанта о размерах кусочков ананаса. Мартин, которому надоело ждать, предложил оплатить ещё одну пиццу, лишь бы первая появилась на столе до того, как остынет чесночный хлеб. Оливер, однако, пожелал узнать мнение Шарлотты.

— Я ничего не имею против фруктов, Оливер, но терпеть не могу выбирать их из расплавленного сыра, пока кто-то следит за каждым моим движением!

— Это относится ко мне? — осведомился Оливер.

— В основном к тебе. Но если тебе будет приятнее, можешь считать, что я говорю о своей матери.

Оливер достал телефон, нажал что-то на экране и повторил её слова.

— Господи, только не записывай это! Мне и без твоей помощи хватает неприятностей с матерью.

Он успел сообщить телефону, что владелица процветающего агентства Шарлотта Рид боится женщины, которая до сих пор пользуется кнопочным мобильником. Лишь после вмешательства Мартина Оливер положил аппарат рядом с тарелкой.

Беатрис тогда не придала этому значения: за последние несколько встреч она привыкла к его просьбам повторить удачную реплику и неизменному недовольству второй попыткой.

Фостер записал сведения о телефоне и спросил, известно ли Беатрис, где тот находился к концу вечера. Она помнила его на столе во время ужина, но позднее перестала обращать на него внимание. Оливер мог убрать аппарат в карман или взять с собой, когда вставал.

Телефон погибшего уже находился среди вещей, изъятых при осмотре. Элеонора попросила Фостера передать коллегам сведения о голосовых заметках.

— Было бы неплохо, если бы он записал и объяснение к меню, — сказал Фостер, разглядывая оставленную на столе карточку. — Я всё ещё не понимаю, почему нельзя заказать две пиццы.

— Потому что тогда им пришлось бы найти другую причину для спора.

Пока сержант занимался этим поручением, Элеонора попросила Шарлотту показать, где сидели друзья. Та согласилась, однако предупредила, что не хочет снова видеть дверь подсобного помещения.

Они остановились возле стола у окна, не заходя за обозначенную сотрудниками границу. Шарлотта показала, где сидели Оливер, Мартин и Беатрис, которая предпочитала место с краю. В тот вечер большой пакет Шарлотты занял свободный стул, и ей пришлось передвинуться ближе к окну. Оливеру это не понравилось: оттуда она могла видеть экран его телефона.

В пакете лежали образцы лент и коробочки для предстоящего мероприятия. Шарлотта переставила его под стол после того, как Оливер дважды задел его ногой, и с тех пор не открывала.

— А когда вы узнали о его новом проекте, вы по-прежнему сидели здесь?

Шарлотта подтвердила, что сидела на своём месте. Она помнила, как Оливер отодвинул блюдо, освобождая пространство для торжественного заявления, а Мартин поймал скатившуюся с края оливку. Если бы Оливеру позволили выступать перед публикой каждый вечер, заметила она, он был бы совершенно счастлив, хотя окружающим пришлось бы переселиться в другую страну.

— Что он сказал после объявления?

Шарлотта помолчала, подбирая слова. Оливер предложил выпить за новость, Беатрис потребовала подробностей, а Мартин отказался устраивать деловое совещание в четверг вечером. Сама Шарлотта попросила Оливера оставить их в покое, пока у него не появится что-нибудь конкретное.

— Довольно резкая просьба по отношению к человеку, который поделился хорошей новостью, — заметила инспектор.

— Вы просто не знали Оливера! Его хорошие новости имели обыкновение становиться плохими для кого-нибудь другого.

Шарлотта поправила шарф и вспомнила, как Беннет опубликовал статью о неудачном ремонте в отеле знакомого Мартина, воспользовавшись фотографией из общего чата друзей. Объясняться с владельцем пришлось Мартину.

На вопрос, случалось ли подобное с ней самой, Шарлотта ответила отрицательно, но напомнила, что в её профессии репутация имеет большое значение.

Когда Фостер вернулся, Мартин спросил, можно ли ему выйти покурить. Сержант разрешил воспользоваться передним выходом, предупредив констебля: задний пока был закрыт. Взглянув на мокрый от дождя тротуар, Мартин передумал и вернулся к столу, где принялся вертеть в руках пачку сигарет.

Элеонора пригласила его продолжить разговор. По словам Мартина, после ухода персонала друзья ещё сидели вместе, затем он вышел во двор покурить. Вернувшись, застал женщин возле подсобного помещения. Сколько времени провёл на улице, он не знал: на часы не смотрел, телефоном не пользовался.

— Вы разговаривали с мистером Беннетом после того, как встали из-за стола? — уточнила Элеонора.

— Нет, у нас не было причин разговаривать наедине. Я собирался попрощаться со всеми и ехать домой.

Фостер поинтересовался, видел ли кто-нибудь, как он выходил. Мартин пожал плечами: он не привык объявлять о каждом перекуре и не помнил, обратили ли женщины на него внимание.

Элеонора записала ответ и отпустила его. Мартин вернулся к женщинам, которые сидели за соседним столиком.

— Странная компания, — заметил Фостер, когда Мартин отошёл. — Человек объявляет о новом проекте, а поздравить его никто не догадался.

— Возможно, они просто устали от его выступлений.

У соседнего столика Шарлотта попросила Беатрис перестать читать новости. Беатрис ответила, что проверяет рабочую почту. Шарлотта наклонилась к ней и произнесла уже громче, чем намеревалась:

— Я всё равно не понимаю, зачем он вообще полез в те годы. Ему что, мало было нынешних неприятностей?

Беатрис убрала телефон в сумку.

— Шарлотта, не при посторонних.

Шарлотта бросила взгляд на полицейских и замолчала. Фостер отложил бумаги.

Глава 4. Неудачное падение

Фостер уже собирался спросить, о каких нынешних неприятностях шла речь, когда констебль у двери подсобного помещения подал ему знак. Сержант направился к коридору, а Элеонора попросила женщин пока остаться в зале. Обе восприняли эту отсрочку с заметным облегчением.

В подсобке ещё работали специалисты. Вдоль стены теснились полки с запасами бумажных полотенец, коробками и посудой, у двери стояла хозяйственная тележка. На полу валялись упаковки салфеток и пластиковый контейнер с крышкой. Именно этот беспорядок придал убедительности первоначальному предположению друзей о падении.

Однако характер травмы вызывал у специалистов сомнения. До дальнейшего исследования никто не брался утверждать, что Беннет пострадал в результате случайного падения. Фостер выслушал предварительные замечания и вернулся в зал.

— Пока мы не можем считать это обычным падением, — сообщил он Элеоноре. — Откуда вообще взялась такая версия?

В первоначальном объяснении Шарлотты говорилось, что она обнаружила Оливера на полу и решила, будто он потерял сознание. Падение впервые упомянула Беатрис, хотя подошла к подсобке позже.

Беатрис пригласили к столику. Элеонора спросила, почему та решила, что Оливер упал.

— Потому что он лежал на полу, инспектор. Согласитесь, это довольно распространённое последствие падения.

— Вы видели, как он упал? — уточнил Фостер.

— Нет, конечно! — Беатрис подалась вперёд. — Там всё было разбросано. Я решила, что он задел полку или тележку. Неужели вы думаете, что я в тот момент разглядывала мебель?

Когда Шарлотта позвала её из коридора, Беатрис сначала рассердилась: ей показалось, что Оливер опять неудачно пошутил. Увидев друга, она велела вызвать помощь. Шарлотта от волнения забыла адрес пиццерии, которую посещала много лет, и Беатрис пришлось прочитать его с визитной карточки заведения.

— А мистер Уэллс? — спросила Элеонора.

Мартин появился, когда женщины уже разговаривали с диспетчером. Он помог им выполнить указания и попросил Шарлотту освободить проход. Беатрис не помнила, чтобы он высказывался о причинах случившегося.

На вопрос Фостера о привычке Оливера заходить в служебные помещения Беатрис невольно улыбнулась.

— Если на двери написано «Посторонним вход воспрещён», Оливер непременно хотел узнать, что от него скрывают.

В «Четырёх сезонах» он чувствовал себя почти как дома и вполне мог отправиться за салфеткой самостоятельно. Однако в тот вечер на столе хватало и посуды, и напитков, так что Беатрис не представляла, зачем ему понадобилось идти в подсобку.

Пока Фостер связывался с владельцем пиццерии, Элеонора вернулась к Шарлотте.

Шарлотта уверяла, что в подсобке ничего не трогала, кроме двери. Внезапно она побледнела и с тревогой посмотрела на собственные руки.

— Господи, там же мои отпечатки!

— На двери, которую вы открывали? — переспросила Элеонора. — Было бы странно, если бы их там не оказалось.

— Я просто смотрела передачу, где женщину арестовали из-за отпечатка на стакане, — призналась Шарлотта. — Правда, я пропустила начало. Возможно, она успела сделать что-нибудь ещё.

До обнаружения Оливера Шарлотта в подсобку не заходила, хотя несколько раз проходила мимо, направляясь в туалет. Дверь обычно была прикрыта. Когда речь зашла о последних минутах перед обнаружением друга, Элеонора спросила, не собиралась ли Шарлотта заодно перед ним извиниться.

Шарлотта помедлила, разглаживая край салфетки, и признала, что могла употребить такое слово. Оливер обижался по самым ничтожным поводам, и извиняться перед ним приходилось чаще, чем перед остальными знакомыми вместе взятыми.

Когда Элеонора поинтересовалась причиной обиды, Шарлотта возмущённо отодвинула салфетку.

— Инспектор, это личное. Я ведь не обязана рассказывать вам абсолютно всё?

От владельца Фостер узнал, что гостям разрешалось пользоваться только залом и туалетом, хотя некоторые служебные двери могли остаться незапертыми. Хозяин был потрясён известием о смерти постоянного гостя и, услышав, что Оливера нашли в подсобке, предложил прислать документы о последнем техническом обслуживании печи.

Фостер поблагодарил его и отказался от документов. Среди зарегистрированных вещей погибшего значились бумажник, ключи и мобильный телефон. Аппарат оставался у специалистов; прежде чем знакомиться с его содержимым, необходимо было соблюсти соответствующие процедуры.

Никто из друзей не припомнил, чтобы Оливер жаловался на здоровье. Беатрис считала, что он выпил больше обычного, но не могла назвать количество, а Шарлотта следила преимущественно за собственным бокалом. Мартин вспомнил, что Оливер сменил вино на воду: собирался ещё поработать дома и не хотел с утра перечитывать написанное с удивлением.

— Значит, он вполне уверенно держался на ногах? — спросил Фостер.

— Насколько я мог судить, да. Но у Оливера был особый талант спотыкаться о вещи, которых никто другой даже не замечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.